

ВЛАДИМИР
ГУРЬЕВ

ПИСЬМА
СВЯЩЕННИКА
С ПОХОДА
1877 ГОДА

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Г95

Гурьев В. В.

Г95 Письма священника с похода 1877 года / В. В. Гурьев. — М. :
RUGRAM, 2025. — 138 с.

ISBN 978-5-517-13501-8

«В течение целого дня, который мы здесь простояли, по железной дороге проехало несколько санитарных поездов, между которыми и по наружному их виду, и по внутреннему устройству нельзя не заметить огромной разницы: одни — великолепные, щегольские, со всевозможными приспособлениями; другие — обыкновенные товарные... В чем, собственно, состоят эти приспособления — не знаю... В десять-двадцать вагонов я заглядывал и нигде никаких приспособлений не заметил: обыкновенные товарные вагоны, в которых, и то не во всех, наслана солома довольно тонким слоем и на ней в два ряда лежат несчастные страдальцы — вот и все... На первых поездах и доктор, и сестры милосердия, и священники — на вторых ничего этого не видно...»

«Взобравшись на самую вершину Копаной Могилы, я оглянул кругом страшную картину поля битвы и положительно на несколько минут оцепенел от ужаса. Что я видел, что я видел, друг мой! Это неопишимо никакими человеческими словами. Точно сжатое поле, покрытое густо разбросанными снопами... Косцы и жнильцы не успели снести их и сложить в копны, а только местами свалили в кучи..... Пораженный, подавленный, схожу с Копаной Могилой вниз. Что вокруг делается — невозможно рассказать, сообразить: врачи, санитары, офицеры, простые солдаты, болгары ведут, несут, тащат — кругом стон, вопль, один какой-то гул, душу раздирающий гул, среди которого, как отдельные аккорды какой-то адской музыки, пронесутся то сильный вопль, то скрежет, то предсмертное хрипенье, прерывчатое, клакочущее... Ужас! Необозримая картина!..

«Я подошел к несчастному страдальцу — бледен как смерть и весь дрожит не столько от холода, сколько от волнения и боязни за свою жизнь... Я благословил его и братски стал убеждать, что рука его (черная от гангрены) никуда уже не годится, что ее нужно отнять, что он будет жив, Бог даст, выздоровеет и скоро возвратится на родину к своей семье... Жадно слушал меня страдалец, остановив на мне свои большие открытые глаза, и, когда я кончил, он тихо, умоляюще сказал мне: «Батюшка, не отходите от меня».....Когда привели бедного Коваленко в чувство, он прямо взглянул на меня и тихо спросил: «Вы тут, батюшка?» — «Тут, тут, мой дорогой», — и я поцеловал его...»

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13501-8

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ДУНАЯ	5
ОТ ДУНАЯ ДО ПЛЕВНЫ.....	22
ПОД ПЛЕВНОЙ.....	79

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ДУНАЯ

Унгены, 25 сентября 1877 года

Как много дум наводит граница земли родной, когда переезжаешь ее не для купаний и питья минеральных вод, а с иною вовсе целью... Вернемся ли назад? Вот единственный вопрос, который гвоздем сидит в голове и наводит невольную грусть и какое-то гнетущее чувство. Многие так недавно, подобно нам, переступили эту самую границу и никогда уже не возвратятся через нее... Самая деревушка Унгены грязная и только благодаря войне сделалась теперь известной чуть не целой Европе. Вся околица Унген завалена целыми горами сена, сухарей, муки, и все это стоит непокрытое... У подошвы небольших возвышенностей, окружающих деревню, разбиты большие лазаретные палатки — это полевые, военно-временные госпитали, битком набитые уже больными и ранеными. В течение целого дня, который мы здесь простояли, по железной дороге проехало несколько санитарных поездов, между которыми и по наружному их виду, и по внутреннему устройству нельзя не заметить огромной разницы: одни — великолепные, щегольские, со всевозможными приспособлениями; другие — обыкновенные товарные. Первые устроены августейшими членами императорской фамилии или разными обществами и частными лицами; вторые — собраны со всех железных дорог

и приспособлены для перевозки больных и раненых... В чем, собственно, состоят эти приспособления — не знаю... В десять-двадцать вагонов я заглядывал и нигде никаких приспособлений не заметил: обыкновенные товарные вагоны, в которых, и то не во всех, настлана солома довольно тонким слоем и на ней в два ряда лежат несчастные страдалцы — вот и все... На первых поездах и доктор, и сестры милосердия, и священники — на вторых ничего этого не видно... Значит, и тут счастье или глупая судьба играют свою роль: на какой поезд попадешь...

Яссы, 27 сентября

В глухую полночь с 25-го на 26-е число мы приехали в Яссы и ночевали в вагонах. Поутру пустились в город и тут, почти на каждом шагу, начали встречать многое для нас необычное: чистота на улицах образцовая, мостовая почти во всем городе асфальтовая, дома великолепные, движение на улицах огромное, торговля в полном смысле кипит... А наш Кишинев так недалеко, и какая в глаза бьющая разница!.. К обеду мы возвратились в вокзал и провели в нем остаток дня. Вокзал огромный, но толкотня в нем страшная; тут я насмотрелся на всю поразительную пестроту наших военных мундиров — каких только здесь нет! И замечательно, что каждый отдельный мундир составляет как бы свою отдельную группу, свой особняк-лагерь: тут гвардейцы, там кавалеристы; в одном углу артиллерия, в другом пехота; там и сям бродят военные инженеры, интенданты, медики, откуда-то взялись моряки, саперы, кавказские бурки; в разных направлениях снуют казначейские, почтовые, контрольные чинов-

ники, и ни малейшего общения одного ведомства с другим — словно все *врозь*... Между тем в вокзале поминутно приезжают из города целые семейства румын; величаво ходят они по залам, с видимым любопытством рассматривают наши военные мундиры, как будто на какой-нибудь выставке, и молчаливо-важно удаляются; тут же проходят румынские офицеры, весело болтают между собой по-французски и с каким-то задирающим самохвальством оглядывают наших... Нигде и ни разу я не видел, чтобы румынский офицер заговорил с нашим или наш с румынским... Резко бросается в глаза видимое различие типа и физиономий: все румыны и румынки отчаянные брюнеты, ни единой белокурой головы, ни мужской, ни женской; а наши, напротив, как будто сговорились и намеренно прислали на Ясскую выставку одних только блондинов всевозможных оттенков, от ярко-рыжего до темно-бурого... К обеду пришли в вокзал или вернее влетели в него несколько наших сестер милосердия с красным крестом на груди. Не понравились мне эти барыни... С ними вместе пришли три-четыре медика из ближайшего госпитального базара, наполненного исключительно нашими тяжелоранеными. Заразительно весело проходил этот медицинский обед: громко щебетали русские сороки, смеялись, хохотали, не стеснялись двусмысленными фразами, не скупились на очень выразительные взгляды... Досадно и грустно было смотреть на эту веселую компанию, зная, за каким невеселым делом все они сюда приехали... Боюсь осуждать по одному этому случаю, может быть, все они истинно честные, самоотверженные труженики, но поведение их в Ясском вокзале, в глазах многочисленной и самой разнообразной публики, показалось мне крайне неуместным...

После обеда мы с Александром Ивановичем (А. И. Ваттерн, бывший тогда главным врачом подвижного дивизионного лазарета 3-й гвардейской дивизии, ныне корпусный врач гренадерского корпуса) ходили в ближайший госпитальный барак: тяжелая, грустная, до слез безотрадная картина!.. В этом бараке помещается 200 человек тяжелораненых; со многими я говорил и расспрашивал: одни из-под Плевны, другие с Балкан, с Шипки... Есть между ними ужасно искалеченные или обезображенные: у одного, например, пуля прошла под правым глазом и вышла за левым ухом — и он жив и даже поправляется. Воздух в бараке отличный, чистота примерная, раненые размещены на койках, есть матрацы, сенники, подушки, одеяла; уход за ними прекрасный, лазаретная прислуга усердная и неутомимая; в этом отношении барак производит весьма отрадное впечатление. наших госпиталей в Яссах шесть, и все они помещаются в лучших домах, великодушно оставленных румынами.

По приходе назад в вокзал нам объявили, что для врачей и смотрителя нашего подвижного лазарета в городе отведены квартиры; не медля ни минуты, мы отправились — все же лучше, нежели на бивуаке, особенно ввиду того, что небо стало хмуриться и может пойти дождь, этот злейший враг бивуачных жителей... Прощай.

Яссы, 29 сентября

Другой день почти без перерыва идет мелкий осенний дождь, выйти никуда нельзя. Слава Богу, что квартира нам отведена отличная, в доме богатого грека Адрианополо. Помещаемся мы втроем: Александр Иванович, я и хирург Ал-

ский, прекраснейший и добрейший человек; жаль только, что мы с ним некстати расхворались: у меня легкий бронхит, у него ревматизм в ноге, — и сидим мы по этому случаю безвылазно в своей комнате, обставленной сплошными диванами на турецкий манер. Хозяин наш очень любезный и обаятельный человек: постоянно спрашивается, удобно ли нам, не нуждаемся ли мы в чем-нибудь. А нам действительно и удобно, и тепло, и сухо; и даже совестно, когда вспомнишь, что некоторые из наших товарищей по лазарету вынуждены в то же самое время мокнуть и зябнуть на бивуаке... Сегодня приходил к нам офицер, заведующий лазаретным обозом, и рассказывал «страсти» о том, что делается там у них... По несчастью, место для бивуака нашего лазарета указано на лугу, на котором стоят еще бивуаки разных частей наших войск, ежедневно прибывающих сюда, и тех, которые прибыли еще ранее нас. На этом небольшом лугу раскинуты бивуаки нескольких батарей и летучих артиллерийских парков, да двух полков нашей 2-й бригады и еще нескольких запасных батальонов. Масса лошадей, водимых на водопой, масса людей, идущих то в город, то из города, так разбили, смешали грязь, что в более низких луговых местах образовались непроходимые и непроездные болота. А тут еще недостаток фуража для лошадей, невозможность добыть сухих дров, чтобы сварить горячую пищу солдатам или развести костры, чтобы их согреть хоть сколько-нибудь, словом — на бивуаке бедствие! И все это происходит от той страшной неурядицы, которая здесь обнаруживается по части перевозки наших войск: назначат, например, отправку какого-нибудь эшелона в 4 часов утра, а отправят в 6 часов вечера, и бедные солдаты целый день сидят на плат-

форме без пищи, без приюта, с часу на час ожидая своей отправки, между тем новые части, новые эшелоны прибывают сюда по нескольку раз в день и скопляются огромной массой. За эти четыре дня, что мы стоим в Яссах, сюда прибыли уже наши Фанагорийские и Астраханские полки, вся наша артиллерийская бригада и три запасные батальона, между тем еще не отправлены все эшелоны нашего Малороссийского полка, которые четыре дня тому назад мы застали на платформе, на очереди к отправлению... От кого и отчего это происходит, Бог весть... Говорят, что румынская железная дорога не имеет достаточного подвижного состава, но это не новость, и могло быть предусмотрено гораздо ранее, так как движение наших войск по этой дороге началось в апреле, а теперь уже октябрь на носу. Можно же было все это сообразить, предвидеть и принять меры. Вследствие такой неурядицы никто из нас не знает, когда мы отсюда двинемся, когда придет и наша очередь. Нам-то, собственно, ничего, мы в тепле, сыты, довольны; но каково тысячам солдат и лошадей, стоящим на бивуаке под проливным дождем с холодным осенним ветром? Что будет дальше, напишу непременно, а теперь пока прощай!..

Яссы, 1 октября

Если б я знал да ведал, что мы простоим здесь целую неделю, то вместо двух-трех писем я завел бы дневник и целиком отослал бы его тебе, а теперь не помню, что писал в своих последних письмах, и боюсь повторений. Всю эту неделю я не выходил из комнаты: бронхит мой разыгрался было так, что Александр Иванович подумывал оставить меня в одном